

18+

Андрей Шевченко

*Владимирская
летопись*

Андрей Шевченко

Владимирская летопись

«Издательские решения»

Шевченко А. И.

Владимирская летопись / А. И. Шевченко — «Издательские решения»,

Повесть о современной российской деревне, ее проблемах, жителях самых разных профессий и занятий — молодежи, сельской интеллигенции, пенсионерах, люмпенах...

Содержание

Летопись	6
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Владимирская летопись

Андрей Иванович Шевченко

© Андрей Иванович Шевченко, 2026

ISBN 978-5-0069-3129-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Данная книга является художественным произведением, не пропагандирует и не призывает к употреблению наркотиков, алкоголя и сигарет. Книга содержит изобразительные описания противоправных действий, но такие описания являются художественным, образным, и творческим замыслом, не являются призывом к совершению запрещенных действий. Автор осуждает употребление наркотиков, алкоголя и сигарет. Пожалуйста, обратитесь к врачу для получения помощи и борьбы с зависимостью.

«В конце весны 189... года двенадцать семей деревни Владимировки ...ской губернии, проследовав по железной дороге через европейскую часть России и Сибирь, потом по рекам Шилке и Амуру, далее сухопутным путём до участка № ..., основали село Владимировку. Первоначально данный участок был выделен под 180 душ, поэтому продолжал заселяться в течение трёх лет. При этом границы наделов пересматривались.

Из докладной записки заведующего переселенческим делом в областное по крестьянским делам присутствие Семёнова А. Т.: «... прибывшие на жительство переселенцы ...ой волости высказывают недовольство климатом, условиями проживания, несправедливым распределением участков, необходимостью их расчистки от леса и кустарника, отсутствием ссуд от казны. Некоторые надеются собрать средства и вернуться на родину».

Семьи первопоселенцев Владимировки:

Василенко Тихон Адрианович, 56 лет, крестьянин села...»

* * *

— Мать! Что там за рёв по переулку?!

— Мальчишки, наверное... Тракторов же сейчас нету...

— У них что, мотоциклы без глушителей?!

— Я в этом не разбираюсь...

— Ё-моё! Сколько раз говорил участковому! Носятся, как угорелые, а по ночам — даже без света! Правил не знают! Всё закончится тем, что кого-нибудь соьбуют!

Дмитрий Романович захлопнул тетрадь и оттолкнул её от себя. Резко брошенная ручка, которая почти ничего не успела сегодня написать, скатилась на пол и была названа «ты ещё дура!» Но от попытки встать из-за стола Романыча остановила надпись на обложке тетради. Большие печатные буквы стояли тремя ровными рядами:

Летопись села Владимировки

Подняв «дуру», автор исправил: «Владимировка». Однако засомневался и вернул букву «и».

— Мать, как будет правильно: села Владимировка или села Владимировки?!

— ... А тебе не всё ли равно? — опять не сразу отвлеклась от телевизора жена.

— Ну да, скажешь тоже! Собрался написать целую книгу, а название будет неправильным!

— Спроси у вашего русоведа. Галина Игоревна, наверняка, знает, как правильно...

— У меня нет её номера телефона! А мне срочно надо: потом забуду!

— А я что?.. Посмотри в интернете. Сейчас там всё смотрят...

— Предлагаешь сходить в будку?!

— Сходи. Что тебе, пенсионеру, делать?.. А то бывшие коллеги совсем забудут...

— Меня не забудут: я сам уже часть истории села! Хоть в музей помещай... в высушенном виде!

Романыч поднялся со стула, но ручку положил так, чтобы кончик пасты указывал на спорную букву.

— Ладно, схожу!.. Давно пора пройтись!..

С телефоном в руке он вышел из двора и осмотрелся. Нигде ни души. Не слышно уже и надрывно ревущих пацанячих мотоциклов. Только маленькая рыжая собака торопливо бежала по переулку, и старый пёс Романыча высмеял её деловитость, несколько раз пролаяв сухим басом.

До будки было триста двадцать шагов, до школы, возле которой она размещалась, триста пятьдесят. За сорок два года, которые Дмитрий Романович проработал учителем истории в родном селе, он точно вымерял и расстояние, и время — разное летом или зимой, в дождь, ветреную погоду или при сугробах — которые разделяли его место жительства с местом службы.

Когда в школах ввели электронную систему отчётов и ими стали заниматься директор и завучи, больших проблем в работе историка и других учителей не возникало. Администрация ловила интернет на чердаке их двухэтажного здания, выезжала с ноутбуком за село, на высокое место, и пересылала необходимые документы куда надо. Всё это раздражало, казалось временным, но получилось как всегда: после «плохо» наступило «хуже», а «плохо» стали вспоминать как спокойное, золотое время.

Отчётность год от года росла в геометрической прогрессии. При этом каждый новый министр торжественно объявлял бумажной работе бой, после чего листов А4 начинали покупать в два раза больше, а электронная переписка с начальством превратилась в главное занятие администрации школы, потом и всех учителей. В последние же годы к ней присоединили детей и их родителей.

Дистанционное обучение, которое ввели из-за ковида, вмиг переселило Владимировку в цифровой мир, и нужно было срочно искать точки выхода в глобальную сеть. И если для заполнения электронных дневников директор ежедневно в одно и то же время на своём стареньком микроавтобусе вывозила учителей на бугор на окраине села, где те по очереди использовали один школьный и два личных ноутбука, чтобы указать свои темы уроков, домашние задания и оценки, то с дистанционкой интернета понадобилось в разы больше.

Выход невольно подсказали ученики, лучше взрослых ориентирующиеся в новых технологиях. Еще задолго до пандемии они в тёплое время года забирались на старинный дуб в

школьном дворе, что родился и вырос до постройки здания и даже до асфальтирования центральной улицы. Лезли на переменах, после уроков — чтобы поиграть в сетевые игры на смартфонах, которые родители, дабы не отстать от времени и чтоб отстали сыновья и дочери, приобретали иной раз на последние средства. Чердак школы, ещё пять-шесть чердаков или крыш частных домов и дуб — вот и все точки, где интернет ловился более-менее сносно. Дуб стал центром цивилизации.

Период, когда лишь кое-кто и иногда забирался на толстые, крепкие ветви, чтобы поиграть в «стрелялки» или стратегии, можно признать первобытным, диким. Дистанционное же обучение начиналось с феодальной раздробленности: взбирались дети, карабкались взрослые — в самое разное время и с самыми разными целями. Именно учитель истории Дмитрий Романович убедил директрису перейти к периоду централизации — после того как с трудом передавал одиннадцатиклассникам материал по подготовке к экзамену, а на соседней ветке болтливая пятиклашка голосовыми сообщениями взахлёб пересказывала многочисленным городским подружкам или родственницам местную детскую сплетню. Школьный рабочий Миша примостил на дубе удобную лавочку, прикрепил лестницу, к дереву приколотил листок в файле с расписанием, согласно которому каждому учителю и всем классам отводилось своё время выхода в эфир, и дежурные учителя, которым теперь не нужно было следить за порядком в коридорах, взяли под контроль соблюдение очерёдности в пребывании на дереве.

Однако не обошлось без хитрецов, «обочечников», по-дорожному. Помимо удобного места на лавочке, прибитой к самым крупным и надёжным сучкам, связь хорошо устанавливалась и на ветках повыше. Однажды туда решила вскарабкаться учительница химии и биологии, которая куда-то спешила и не могла ждать своей очереди. Наверное, даже обезьяны в семьдесят два года плохо скачут по деревьям, а заслуженный педагог свалилась на землю. Сломала ногу, обиделась и написала заявление по собственному. Впрочем, школа из-за этого не закрылась. Физрук прошел двухнедельные компьютерные курсы и заполнил вакансию.

Так проучились три весенних месяца. За это время некоторые лентяи стали хорошистами и отличниками, потому что сообразительные в новшествах ученики быстро освоили возможности электронного списывания. А восемь детей в трёх семьях, где не было смартфонов, не учились вовсе. Что касается дуба, то над лавочкой соорудили навес от дождя, потом стены — от ветров. Шутники предлагали провести свет, водопровод и канализацию, но прибавился только узкий столик, чтоб можно было положить бумаги или книги. Комфорт создавали, принося с собой пледы, термосы, пакеты с чем-нибудь вкусеньким. Слово «будка» после возведения крыши и стен возникло стихийно и в пределах школьного сообщества, деревня же новое сооружение дразнила «школой XXI века».

...Пенсионер Дмитрий Романович шел к будке, пытаясь угадать, на чье время он собирается покушаться. Надеялся, что зачтутся его многочисленные заслуги перед системой образования села, а больше на то, что попросится «на минуточку». Он был уже на половине пути, когда за спиной резко затормозила машина. Учитель быстро отстранился на обочину, потом оглянулся.

— Здорово, Романыч! Куда идёшь-бредёшь?!

— А, Витя. День добрый.

— Да хрен там он добрый! Ты ж видишь, я из города возвращаюсь кружным путём, через Алексеевку?!

Односельчанин, проявляя уважение к старику, вылез из машины. Действительно, одет он был не по-рабочему, в светлые брюки, и лицо, старательно выбритое, смотрелось так, будто им в городе подменили настоящее, деревенское. Романыч даже устыдился того, что бывший ученик выглядит приличнее его, вышедшего на улицу в домашнем.

— Чего ж тебя понесло за лишние тридцать километров?

— Двадцать восемь!.. Хотя один хрен! Нашу ж дорогу раздолбали вдрызг! Проехать можно. Но — десять километров в час!

— Её же грейдруют.

— Толку-то! Слышал: Захаровский Березняк вырубают?!

— Говорили, что там какие-то заготовки.

— Как же: заготовки! Там пустыня! Валят всё сплошняком! Скоро будет чистое поле! Только с пеньками! Вот лесовозы и расхерачили всю дорогу от поворота в Березняк и до самой трассы!

— Ничего себе... А ведь этот наш лес — примерно четыреста гектаров...

— Сколько — я не знаю, — Виктор присел на крыло машины, — а только по нему можно справлять поминки... Поплачем всей деревней и забудем, что он был...

— Дела-а... — Дмитрий Романович подумал о том, что в его «Летопись» добавится ещё один эпизод. Сам ведь часто повторял своим ученикам: история не прошлое — она творится на наших глазах. Теперь на его глазах историю вытворяли.

— И кто эти варвары — неизвестно?

— Может, наша важная Голова и знает. Попробуй — спроси.

— Думаешь, в доле?

— Куда ему... Тем более часть Березняка не наша, а к Захаровке. У меня там дядька живёт — ты его знаешь — так возмущался: набрал сушняка под речкой и получил штраф сорок тысяч. И всем по хрену, что инвалид второй группы. Просто одна ветка оказалась длиннее положенных ста сантиметров. Всё — преступник!.. Вот ты мне скажи, Дмитрий Романович! Ты умный человек! Может, самый умный в деревне! Почему у нас всё... вообще всё... делается против людей?!

Учитель-пенсионер растерялся. Долгие годы Березняк был для него местом сбора грибов, заготовки банных веников. А теперь это красивое место надо переместить из реальности в память. Тут не до разъяснений государственной политики. По-русски — коротко и грубо — он, конечно, высказаться мог, но собеседник, наверняка, желал убедительного, научно обоснованного комментария. Выручила всё та же рыжая собачонка, которая теперь бежала в обратную сторону и почему-то остановилась у машины, явно что-то планируя.

— И не думай даже! — отвлёкся на бродячее животное Виктор. — Я тебя этим же колесом перееду!

Он так надавил на крыло своей машины двумя руками, что та присела и подпрыгнула. Впрочем, собака показала, что она «только понюхать», и пошлёпала дальше. Зато раздражённый односельчанин Романыча забыл свой вопрос и заговорил о другом.

— После всего этого и домой ехать не хочется. Но надо: соседка померла, требуется помощь.

— Опять?... И кто же на этот раз?

— Не слышал? Федоручка.

— Жалко... Хорошая была тётка.

— А мне почти как родная бабка. Пока была на ногах, мы с ней дружно соседствовали... Светка, дочка, жалуется моей: не на что хоронить мать.

Баб Катя из-за отнявшихся ног всё время сидела возле телевизора и, оказывается, постоянно отправляла деньги на лечение детей. Ну, знаешь, по всем каналам просят...

— Знаю. Моя тоже иногда переводит понемногу. Всем миром детей лечим...

— Вот-вот. А бабка пенсию на себя почти не тратила, Светка и рассчитывала, что скопится сумма. Хватились — а денег нет.

— И сообразила же, как это делается. Отправляют-то по телефону.

— Что там соображать? В телевизоре всё объясняют. Если она целыми днями в него пялилась, разобраться можно было... Ладно, поеду... Жизнь у нас, конечно, хреновая, а так — всё нормально...

Виктор быстро исчез, и Романыч остался на обочине один. Всё так же не было видно людей, а у изредка мелькавших по центральной улице автомобилей вдруг наступил какой-то перерыв. Зато остались раздражение и недоумение бывшего ученика и, соединившись с собственными, накрыли учителя-пенсионера серой аурой, растворить которую не получалось даже у мягких лучей яркого солнечного дня. Романыч всё стоял у дороги, как и при разговоре, продолжал носком обуви подталкивать в кучку мелкие камешки обочины и прокручивал в голове все услышанные новости, глядя невидящим взглядом на ближайший дом. К смерти односельчан он давно привык: они случались ежемесячно, а то и чаще, но уничтожение любимого всем селом Березняка его не просто расстроило, а шокировало и придавило. Постояв минуты две-три, он мысленно махнул рукой на свою лингвистическую загадку и пошёл обратно домой. Надо было пересказать всё жене, выпить лекарство от сердца и чем-то отвлечься, лучше всего — работой в саду.

* * *

...А Виктор уже подъехал к своему двору. Обычно по приезде из города он переносил в дом или в летнюю кухню разные покупки, а потом заезжал в гараж, но в этот раз сразу взялся открывать ворота. Возился так долго, что жена трижды успела сходить к сараям по каким-то надобностям. Удивившись поведению супруга, быстрого и энергичного во всех хозяйственных делах, она подошла к калитке.

— Ты чего во двор-то не заходишь?.. И не загоняешь в гараж...

— Сейчас зайду...

Виктор сел в машину, однако ноги поставил на землю и двигатель не заводил. Он протирал тряпкой одно и то же место на дверце и словно забыл, что делает рука. Люда подошла ближе.

— Что, плохо дело? Что врач сказал? — спросила она и, не дождавшись ответа, прибавила: Что МРТ показала?

— А, и говорить не хочется. Вон на заднем сиденье фотография. Можешь посмотреть... Хреново вышел...

— Всё-таки грыжа?

— Ну, хоть не рак.

— И где?.. В каком месте?

— Не всё ли равно?! Что я тебе, пальцем на спине ткну?! Так не достану: у меня руки не резиновые!

— Значит, на позвоночнике...

— Нет, в башке!

— Да что ты злишься? Я ж не из любопытства спрашиваю, — Люда прислонилась к машине и положила руку на плечо мужа.

— ...Надо делать операцию, — сказал Виктор более мирно.

— Ну, и сделаешь. Что, разве такая сложная?.. Сам знаешь: мой отец тоже делал... Межпозвонковая грыжа. Такая же у тебя? Или что: сильно дорого?.. Да найдём деньги.

— Ты не понимаешь. Чем мы будем теперь жить? Оба без работы, — а её в деревне и нету, — зависим от хозяйства, и мне теперь нельзя поднимать тяжести. Как носить вёдра? Как заниматься сеном? Я и так уже с полгода: подниму что-нибудь — и мурашки в ногах, холодеет всё. Постоянно тупая боль в пояснице.

— Вот. А ты: «Хондроз, хондроз! Я ж столько лет хреначил в совхозе водителем! Мы все хондрозники!» Давно говорила: надо провериться.

— Доктор сказал: если не падал, не ударялся, то от сильных нагрузок...

Люда подвинулась ближе, обняла мужа за шею, он её за талию. Помолчали.

Виктор обдумывал новое положение вещей и судьбу двух коров, восьми среднего возраста свиней, включая свиноматку; его жена подыскивала слова убедительных и необходимых утешений для мужа, который, если и жаловался когда-никогда на здоровье, то не для сочувствия, а иронизируя над собой. Один из самых крепких парней в деревне, он, вернувшись из армии и женившись, моментально оброс большим хозяйством — сначала в родительском доме, потом в своём, предоставленном совхозом, — и даже в нищие девяностые в числе первых купил иномарку. Потом не побоялся самостоятельности, легко бросил совхоз, когда пошла черед смен форм собственности и перестали платить зарплату. Хозяйством они выучили двух детей, хозяйством помогли обустроиться в городе, ими же — коровами, свиньями, птицей да пчёлами — более-менее сносно жили и до сегодняшнего дня. Хорошо заметные во дворе молочные бидоны, которые сушились на солнце, теперь словно упрекали своим поблёскиванием, подозревая, что их предадут и спрячут с глаз подальше в кладовой или на погребе.

— ... Врач посоветовал не напрягаться, но больше двигаться. Как-то непонятно.

— Так а с операцией что?

— Через два дня съезжу, точно узнаю. Сначала соседям поможем с похоронами...

— Лекарства какие-нибудь выписали?

— Угу. Упражнения и диета. Придавит — тогда диклофенак.

— Он тебе не очень-то помогал...

— Самое гадкое: не знаешь, что будет потом. Восстановишься — не восстановишься...

— Работать, как ты привык, точно не сможешь. А коров, наверное, и так пришлось бы сдавать: все сдают из-за пастбищ. Вон Толик Шведов, твой приятель, всю свою большую семью перевёз в город. Сколько у них было голов? Тридцать? И всё под нож...

— Тридцать четыре... Кто ж знал, что землю начнут расхватывать так, что деревни останутся без пастбищ и покосов...

— Вот и у нас отберут. Так что всё едино.

— Не отберут: у нас покос под речкой, постоянно затоплен... А Толик теперь в сторожах. Операцию сделаю — тоже устроюсь куда-нибудь вахтовым охранником.

— Сначала вылечись...

Виктор ухватился рукой за край кабины. встал, повёл плечами. Улыбнулся жене:

— Ты только не переживай за меня. Знаю я тебя: будешь ворочаться всю ночь или вообще плакать втихушку. Дети самостоятельные, а мы с тобой никогда не голодали. Разберёмся... Эх, были бы пенсионерами — плевать на всё! Жил бы на те десять-пятнадцать тысяч, и хватит! Запросы уже не как в молодости! Так нет же! Власть сказала: ещё молодые! Значит, молодые! Может, мне инвалидность дадут?!

— Размечтался... Это дурачкам разным вроде Гармошки дают. Ни в совхозе не работал, нигде, а пенсия — двадцать тысяч. За что, спрашивается...

— За заслуги, конечно.

— Какие?

— Смотри.

— Что?

— Да вон: вспомни говно — и вот оно.

Люда обернулась и увидела идущего по дороге мужичка лет тридцати пяти-сорока, в старом трикотинном пиджаке, кепке-бейсболке и спортивном трико. На пиджаке поблёскивало, ловя солнечные лучи, что-то похожее на значки.

— Точно. Будто ждал, когда мы про него заговорим.

— Да этот дурень всегда шатается. Лишь бы дома ничего не делать. Всё на матери...

— Здорово, соседи! — весело крикнул тот, кого называли Гармошкой, и перешел на обочину, очевидно, намереваясь подойти ближе.

— Гусь свинье не сосед, — буркнул Виктор и сел в машину. Люда кивнула на приветствие и пошла во двор.

* * *

Весёлый человек не расстроился из-за того, что его демонстративно проигнорировали. Высмотрев какую-то женщину в каком-то огороде, он трижды прокричал ей вопрос о том, что делает, но, так и не понятый, потопал дальше. На деревню оседал тихий, тёплый вечер, и Гармошка улыбался ему, как другу. Беззлобно лаяли собаки, призывно мычали возвращающиеся с пастбища коровы, люди шли по воду — в деревне наступали часы вечернего оживления.

Метров через двести Гармошку окликнули, причём противоположно.

— Эй, ты! Убогий и трёхногий! Куда прёшься?!

— Ты чё мово другана обижаешь?! Олешка-человек, подходи, перетрём за жизнь!

Гармошка остановился в нерешительности. Два односельчанина — Коля Крючков и Толя Ковалёв, которые сами о себе говорили: «Мы два друга: хитрец и хитрюга» — могли грубо подшутить, а то и разыграть. Однако самомнение (сам кого угодно обхитрю) и предположение, что больше с ним никто не захочет разговаривать, притупили осторожность, и Гармошка свернул к лавочке у двора Крючковых, где, кроме людей, сидела большая чёрная псина, очевидно, тоже отдохавшая после дневных трудов. А зря. Пока он делал эти полтора десятка шагов, приятели, которые в этот день ничего не наштабанили, успели сговориться «раскрутить дурачка на бухло». Появилась возможность со смыслом прожить день.

— Всё пьянствуете? — показал себя с солидной стороны Гармошка.

Сам он выпивал очень редко, боясь глупых и — от скупости — нерасчётливых поступков.

— Как-то раз бросил пить — и сразу насморк! — захохотал Толя. — Больше не рискую!

— Чё ты на нас наговариваешь, Олег Батькович?! — вежливо возразил его приятель. — Садись, покалякаем о том о сём.

Он толкнул собаку с лавки, и оба хитреца подвинулись, выделяя гостю почти половину места. От такого уважения Гармошка заулыбался и погладил обиженного пса.

— Ну, как оно?! Вообще?! Рассказывай всё, мне уже всё рассказали!

— Что рассказали?

— Не будем предавать огласке!.. Как мама?! Здорова?!

— Что ей будет... А вы сегодня заработали? Сейчас бабушки нанимают на огородах работать.

— Тебе найти бабу? — вмешался Толя, перегнувшись через соседа, чтобы строго посмотреть на советчика. — Хочешь бабла зашибить?!

— Мне пенсии хватает... Я много не трачу. Зачем?

— Нос не задирай! Небо покарябаешь!

— погоди ты! Дай с серьёзным человеком о серьёзных делах побазарить!

Коля нарочито сильно толкнул своего друга плечом и доверительно придвинулся к Гармошке.

— Говоришь: много не тратишь... Это хорошо. И куда ты деваешь свою гигантскую пенсию?

— Скажешь тоже: «Гигантскую»... — расплылся дурак в улыбке. — Куда трачу?... Мало ли куда трачу... То угля надо купить, то за свет заплатить. Продукты дорожают...

— А люди брешут: за всё твоя мама платит, а ты откладываешь.

— Кого — «откладываю»?! Вот придумали! Всё на расходы идёт! «Откладываю»!..

— Значит, брешут?

— Конечно! Зачем ты веришь?!

— Да, Олежка, полностью с тобой согласен: деревня у нас брехливая.

— Ну!.. Наговаривают...

— Итак, один вопрос выяснили: человек ты положительный, исправно ведёшь хозяйство, заботишься о родной мамаше, деньги налево-направо не разбрасываешь. Продолжим...

Гармошка опять насторожился и убрал руку, которую хотела лизнуть Колина собака. Будто испугался, что эта услуга платная. Но тут операцию хитреца и хитрюги прервало появление нового лица, шедшего по улице с пакетом в руках и в сопровождении кота, который то останавливался, то перебежками догонял хозяина. Лицо двигалось решительно, пакет широко летал вперёд-назад.

— Гляди, Колян, никак Марченко опять переселяется!

Все трое разом глянули в сторону решительного пешехода, собака примерилась к коту.

— Картина Репина «Заржали»... — удивлённо проговорил Коля. — Эй, Александр-человек, разрешите узнать, куда-откуда путь держите?!

Путник сначала пригляделся к сидевшим на лавочке, потом, узнав, остановился, но с дороги не сошёл. Кот равнодушно присел рядом.

— Да говорит: не делаю ни...! Я, б..., забор отремонтировал! Три дня, б..., возился! В..., как папа Карло! Мужик еёшний смотался на..., ни слуху ни духу! Жру, мол, много! А сама жрёт в два горла! Не нравится, иди н...! Я себе найду, а ты попробуй, б..., найди другого дурака!

Марченко резко начал, резко прервался. Похлопав себя по карманам, достал сигареты, зажигалку, закурил.

— Перевожу на русский! — торжественно объявил соседям по лавке Коля. — В Верке разочаровался, возвращается к Машке.

— Слышь, Саня! — крикнул Ковалёв. — А в пакете чё, всё твоё имущество?!

— Вон моё имущество! — кивнул переселенец на кота. — Васька — молодец: я ушёл, и он ушёл! Мы всегда вместе!

— Маловато хозяйство! Хотя бы ещё хомячка завёл!

Марченко понял, что над ним насмеются, и беззлобно послал Толю в известную русскую сторону.

Лавочка захохотала.

— Саня! — заменил приятеля Крючков. — Когда опять к Верке будешь переезжать, сначала оправь кота! Пусть проверит, как у Верки со жратвой! Ежели кот не вернётся, значит, накормили, можно самому перебазироваться!

— Хрен вам! Я к Верке больше ни ногой! И нечего зубоскалить!

— Да ты это же два месяца назад про Машку говорил! — возразил Толя.

— Нет, три! — уточнил Коля. — Он баб меняет поквартально! Сезон у Верки, сезон у Машки!

— Точно! Так бабам легче: одна покупает ему осеннюю и весеннюю одежду, другая летнюю и зимнюю!

— Пошли вы н..., придурки! — взялся Марченко за пакет.

— Зимнюю — зачем?! Всё равно всю зиму лежит на печи! Опять же: не убежит!

— Тогда и летнюю зачем?! Одни трусы — и хватит! Ну, ещё тапки китайские!

— И панамку!

Многожёнец злобно и смачно плюнул и пошёл своей дорогой. Кот с упрёком посмотрел на шутников и, опасаясь собаки, побежал вприпрыжку.

— Всё, Саня вышел из себя! Вернётся завтра утром! — захохотали приятели.

Гармошка присоединился. Пока высмеивали односельчанина, он опасался даже улыбаться, чтобы не обидеть того. Теперь же снова ощутил себя членом компании и поддержал смех.

— Смотри, Колян, у человека новоселье, а даже не налил! Совсем совести нет! Гармошка, сообразим на троих?! Тебе водить!

— Шутишь? Вон колонка, пей воду. Это полезно. Жена ругать не будет.

— Я воду не пью: там микробы.

— Кстати, мы не договорили, — снова возглавил разговор Коля. — Остановились на том, что ты очень положительный человек. Согласен?

— А что? — улыбкой ответил на лесть Гармошка. — Я не пьянствую, дома всё нормально. Вот веранду покрасили. А краска сейчас дорогая.

— Веранда — это хорошо. Мы потом обязательно всё осмотрим. Сейчас речь не о том.

— Что?

— Вот ты со всех сторон человек положительный. И вроде как достойный уважения. Но есть в тебе один изъян, который всё портит.

— Из-за него и уважение того ... — поддакнул Толя и щёлкнул языком.

— Нету у меня ничего, — обиделся Гармошка. — Изъянов каких-то...

— Изъян — то бишь недостаток. Жены у тебя нет. Тебе уже скоро фиг знает сколько лет, а ты как неполноценный — живёшь без женщины.

— А может, он в самом деле неполноценный? Не мужик?

— Сам ты! Вы вон пьёте каждый день!..

— Пьём. Зато у нас семьи, и мы нормальные люди.

— Короче, Олег Баткович и прочее, тебе надо срочно жениться. Чтоб вся деревня сказала: вот, мол, нормальный, полноценный мужик, всё при нём: и дом, и жена, и... пенсия. Ты только представь: сейчас тебе мама варит, стирает, но она старенькая. Что дальше будет? А заведёшь жену — крепкую, румяную — она тебе и наварит, и обстирает, и приласкает. Я же не со зла, пойми ты. Наоборот: добра желаю. По-дружески. Я тебе когда-нибудь подлянки делал?

Гармошка растерялся: какую именно вспомнить из всех гадостей, что сделали ему хитрецы, но Коля не давал задуматься.

— Вот видишь. Другьям плохого не посоветуют. Толян, кто у тебя на примете есть?! Только чтоб баба была первый сорт! Олежке какая попало не подойдёт! А тебе, друган, и делать ничего не надо будет. Мы сами всё организуем. Только улыбайся и кивай.

— Ну, Ирка сейчас одна живёт.

— Ващенко, что ли?

— Вы что?! — возмутился Гармошка. — Она некрасивая!

— Реально, Толян, не обижай моего другана! Ирка симпатична очень: глаз фанерой заколочен!

— Так, идём дальше. Верка теперь свободна, но к ней Саня может вернуться.

— Когда Машка выпрет... А эта?.. Вон там живёт... Придурка Медведева сестра.

— Ага, разведёнка... Валька.

— Точно. Как тебе Валентина, друган?

— Ста-арая...

Приятели захохотали.

— Ты молодец! Зубов нет! Вместо ремня носишь верёвку! Ещё и значок «Воин-специалист» нацепил, будто в армии служил! Кстати, если женишься, я тебе настоящий значок подарю — гвардейку! Со службы остался! Многие просили — всем отказал! Берегу! Теперь знаю, для кого берёг! Для другана Олежки!

— Гвардейку?..

— Ты что, не знаешь?! «Гвардия» — главный армейский значок! Офицеры у нас его больше медалей ценили!

— И ты столько лет его хранил? — тихо удивился Толя. — Так ты в жэдэ войсках служил.

— Малому кто-то подарил. Или спёр где-то... Короче, жених! От сердца отрываю: та-та-там, моя соседка Зинаида!

— У неё дети... И пьёт.

— Без детей только до восемнадцати, а это статья! А пить отучишь! Ты ж мужик! Прикажешь — и всё! Да и не пьёт она! Так, слегка прикладывается! На что ей часто пить?! Живут на детские! Зато какая хозяйка! И чистюля: постоянно одежда висит! И жрать варить умеет: закусывали у неё пару раз! Дети ухоженные! Значит, и ты будешь ухоженный! Хоть ремень тебе купи, пока ты на своей верёвке не повесился! А фигура?!. Килограмм восемьдесят только красоты! Помимо всего прочего! Сам бы женился, да двух не потяну!

Толя, понимая, что наступил решительный момент операции «свадьба с выпивкой», энергично присоединился к аргументации друга и осветил привлекательные стороны супружества с точки зрения физиологии.

Гармошка был ошарашен: за его некороткую жизнь никто с ним ещё так обстоятельно не разговаривал. Друзей-приятелей никогда не было; в школе, отсидев девять лет, получил справку; всю домашнюю работу, в том числе огородную, тянули тихая, молчаливая мать и — пока был жив — отец; односельчане в глаза называли дурачком и бесед с ним не вели, а от злых шуток Коляна и Толяна доставалось и ему, и ещё доброй половине села. Даже по имени его могли назвать только когда хотели привлечь к какой-нибудь тяжёлой работе вроде перевозки сена или качки мёда. А всё от того, что угораздило глупого парня ещё при жизни отца стащить у того гармошку и пройтись по улицам, зажав басы и дёргая меха туда-сюда. Целый месяц длилась полемика между сторонниками клички Композитор и их оппонентами, которым больше нравилось Дурак с гармошкой. Время утвердило компромиссный вариант. Так имя Олег исчезло из употребления почти бесследно.

Гармошка, несмотря на свою умственную ущербность, был человеком расчётливым и хитроватым, однако дружного напора не выдержал и капитулировал. Многообразные доводы двух приятелей-собутельников, мечтавших о бесплатной выпивке, и желание стать «нормальным мужиком» одержали верх над осторожностью. Да и что там какой-то деревенский дурачок, читающий по слогам, если тысячи здравомыслящих людей с высшим образованием, изучавших в вузах логику, вдруг несут целые миллионы денег ничтожнейшим проходимцам, которые, не покраснев, клянутся, что способны сделать больше, чем золотая рыбка или говорящая щука: и полцарства каждому добыть, и царевну — неженатым.

И вот начались свадебные хлопоты. В первую очередь Коля вызвал старшую дочь и велел подыскать что-нибудь нарядное. Девчонка-восьмиклассница сначала громко повторила стандартное мамино «дети и корову подоить помогут, и управятся, а у тебя одна забота: напиться», потом вынесла цветастую рубашку и старую кепку — отцу и пиджак, в карман которого вставила цветок с клумбы, — «дядьке Тольке». Во-вторых, стали решать, у кого в деревне лучшая самогонка. «У ТАКОГО человека, как ты, всё должно быть самое лучшее», — пояснили Гармошке. Спор завязался непростой и принципиальный, так как оба свата в деле выпивки были настоящими гурманами и вкус имели тонкий. После пятиминутных препирательств Коля прибег к хитрости: предложил своему псу, который всё так же сидел у лавочки, поддержать хозяйскую версию, и пёс, хотя и являлся убеждённым трезвенником, сделал своей лохматой головой движение, похожее на кивок. Его хозяин тут же радостно подвёл черту:

— Вот видишь, Толян, нас двое, а ты один! Иди, молодожён, к Тарасову.

Толя пнул собаку, но спорить перестал, только пригрозил: «Я сегодня буду пьян, грубиян и хулиган!»

Гармошка, уверенный, что грядёт не какая-нибудь стандартная пьянка, а поворотное в его жизни событие, отказался покупать полторашку, но заговорщики, перемигнувшись, легко согласились на пол-литра. Процесс был запущен, и теперь дурак был в их руках.

Спустя четверть часа троица уже сидела за кухонным столом Колиной соседки Зинаиды Сапожковой. Хозяйка впустила их в дом, но гостей оценила только на уровне чёрствого хлеба и огурцов. Разлили. Гармошке больше, Зинке и себе скромнее. Жених воспринял это как знак уважения и признания, что пьют за его счёт. Солидно выпили. Тут же было объявлено, что «между первой и второй — первая повторная». Допили бутылку. Поговорили о погоде, урожае, о том, что «крутые позахватывали земли вокруг села, скоро и в могилу лечь будет негде». Тем временем незакалённый Гармошка захмелел, и Коля намекнул ему, что «русские после первой не женятся», нужно брать вторую бутылку и начинать говорить о главном, а «на сухую разговора не получится». Гармошка гордо достал из внутреннего кармана несколько купюр, сложенных вчетверо, и ресторанным жестом бросил их на стол. Его похвалили. Толя сбегал куда надо, и началась настоящая пьянка. Теперь на женихе экономили, хозяйке откровенно не доливали, для себя сваты наполняли «с шапкой».

Наконец, Коля приступил к официальной части:

— У нас купец, у тебя товар... Точнее, ты товар!

— Жених — всем женихам жених! — присоединился Толя.

— А что? Я такой... вот! — скромно добавил Гармошка. — Живу не хуже других!.. А чем я хуже?! Да я больше вас двоих взятых зарабатываю!.. Получаю... Телевизор купил большой!.. Да!..

Теперь до Зинки дошло, что гости зашли не просто так. Когда же Коля спросил, не желает ли она распоряжаться пенсией в двадцать тысяч рублей, хозяйка отправилась разогревать суп и к огурцам прибавила лук и — почему-то — майонез. Гармошке шепнули, что «дело пошло» и «теперь нельзя тормозить»: «Сам понимаешь: под новый закусон надо того...»

Но деньги у жениха кончились. Впрочем, он тут же прихвастнул, что дома у него наличных «хоть всю деревню напоить». Расстояние от свадьбы до денег не смутило хитрецов. Так как Гармошка передвигаться уже не мог, послали на улицу Зинкиного старшего «пошукать транспортных средств». Тот не стал голосовать на дороге, а в шутку предложил сломанную детскую коляску. К шутке отнеслись серьёзно. Сваты нежно переместили жениха, усадили, подсунув какое-то тряпье, со свистом и гиканьем, как на настоящей свадьбе, свозили домой, далее, чтоб не тратить время, заехали за новой партией самогонки, и уже через полчаса вернулись к невесте.

На шум подтянулось ещё несколько субъектов, любителей выпить «на дармовщинку», в том числе Зинкин брат, который был оскорблён тем, что его не пригласили сразу. Обида растворилась полной кружкой «тарасовского коньяка». Хозяйкиных детей отправили спать, а вместо колыбельной включили весёлую музыку. Зашёл ещё кто-то, плохо заметный в табачном дыму, заполнившем кухню. Разговор, как обычно у деревенских русских людей, крутился между темами сельскохозяйственными и политическими — о главе поселения Головастике и, вообще, «воровской власти», о вырубке Захаровского Березняка, о дорогих кормах для скота и о том, что «село вымирает, а рожать некому»...

Вдруг закончилась выпивка. Начали искать Гармошку, который, оказывается, уже крепко уснул на Зинкиной веранде. Коля объяснил новеньким гостям, что нужно делать, но коляску не дал: «Ночь на дворе, а на ней отсутствуют габаритные огни». Зинкин брат, как самый крепкий, взял Гармошку на спину и в сопровождении ещё двух добровольцев, перенёс жениха к его дому и обратно. Толя Ковалёв сходил за самогонкой, благо лавочка Тарасовых работала круглосуточно. Веселье, получив подпитку, усилилось, разлилось искренностью и бесшабашностью настоящей счастливой свадьбы. То один, то другой, словно соревнуясь, выкрикивал

что-нибудь вроде «Семь раз отмерь, один раз налей» или «Чем больше жрёшь, тем меньше пьёшь», и любая шутка награждалась всеобщим громким хохотом.

Так как народ собрался вполне интеллигентный и добропорядочный, сильную музыку, дабы не тревожить засыпающую деревню, к полуночи приглушили. Но тут же компенсировали самодеятельным творчеством. Оказалось, что фольклор во Владимировке не умер и живёт не только в пересказе чужих анекдотов. Коля Крючков нашёл какую-то однострунную детскую балалайку и выдал, не договаривая пьяным языком концовки слов:

Полюбил я Василису не за косу и глаза:

Завелась у Василисы самогонка, как слеза!

Следом, визгливо перебивая гомон и смех, прокричала частушку «невеста», про которую уже и подзабыли:

Раньше глупою бывала и за водочку давала!

Теперь цену себе знаю: за шампанское ласкаю!

Гости взорвались таким одобрением, будто «Спартак» обыграл «Реал. Мадрид», отчего Зинка решила закрепить успех и выдала ещё одно откровение:

Хорошо живётся мне у родном-то у селе:

С мужичками я гуляю, чей ребёночек — не знаю!

Тут народ, опять бурно выразив одобрение, потребовал от Коли ответного слова, но тот почему-то отмахнулся:

— Чё я вам — София Ротару?! Как певец я не очень!

Тогда место дезертира охотно занял Зинкин брат, который весь вечер пытался возглавить мероприятие. Внимательно прислушавшись к дребезжанию одинокой балалаечной струны, словно обладал развитым музыкальным слухом, он густо и низко пропел:

В новостях передавали: за границей бардак,

Педики распоясались. Лишь в России всё нештук!

Всё в России справедливо, рост идёт по всем статьям:

Здесь — налоги, там — зарплаты; штрафы здесь, а льготы там!

... Часа в три ночи, когда голоса охрипли, веселье поутихло и хозяйка ушла спать, Коля и Толя вспомнили, что на утро у них намечена выгодная «шара».

Посоветовавшись, то есть допив последний самогон, приятели решили идти по домам.

Как известно, опьянение имеет несколько стадий, и порой за какие-нибудь полтора-два часа эволюционирует от «ты мне лучший друг» до удара кухонным ножом в сердце. Что-то подобное произошло и с одним из хитрецов. Он вдруг припомнил вечерний спор и злобно проговорил нетвёрдым языком:

— Я тебе говорил... у Медведихи самогон надо брать?.. А ты: у Тарасова, у Тарасова...

— Сходи на..., придурок... — вглядываясь в темноту, посоветовал в ответ Коля.

— Да?.. А в рыло хочешь?

— Рискни костями...

Толя медленно поднял свой большой кулак, занёс его за спину и — кулак перевесил остальное тело, оно опрокинулось, лязгнув каким-то Зинкиным тазиком, задремавшим посреди двора. Упал и Коля. Потому ли, что его должны были ударить, или просто из солидарности.

Далее приятели, ставшие врагами, путано ругались и меняли позиции: десять минут лёжа, пять — на карачках. При этом каждый старался быстрее встать, чтобы занять главенствующее положение и диктовать противнику условия капитуляции. Однако земля не давала сил ни одному, ни другому, наоборот, притягивала к себе и ласкала бойцов влажной травой. Побродив на четырёх опорах и запугав хозяйскую собаку, оба догадались, что без товарищеской помощи из трудной ситуации не выбраться. Молча согласившись на перемирие, Коля и Толя упёрлись друг другу в плечи и приступили к подъёму. Дело пошло, и вскоре совершился

переход от обезьяны к человеку, то есть к прямохождению. Точнее, к прямостоянию. И прямопокачиванию. Окажись рядом учёный человек, наверное, назвал бы этих людей хомо забулдыгус, прибавив подробное описание характерных черт. Только откуда ночью в деревне учёные?

* * *

В 03.15 хитрецы Коля и Толя выбрались из Зинкиного двора, и отсутствие калитки и ворот, давно отправленных в печку, позволило им совершить этот манёвр в том же положении, при котором Коля цепко держался за Толю, а Толя — за Колю. Эта уверенность, что настоящий друг не подведёт, не бросит, окончательно примирила их и позволила наметить дальнейший путь к родным очагам. Как обычно, сориентировались по звёздам и лаю своих собак. Однако едва парочка выбралась на асфальт улицы, как в темноте кто-то громко вскрикнул и на пьяный вопрос «Э, кто тама?!» услышала негодующий женский голос:

— Тьфу ты, черти! Шляетесь по ночам, беспокоите людей!..

Хитрецы ничего не поняли и никого не узнали. Неторопливо и обстоятельно посоветовавшись, они решили доставить домой Колю, потом того, кто останется, после чего двинулись на северо-восток.

Семён и Анна Цымбалюки, супруги и пенсионеры, тоже медленно двигались по ночной улице. Но по другим причинам — возраста и усталости.

Эту ночь накануне большого праздника, когда весь православный мир стоял на всенощной службе, они тоже провели в церкви. Анна давно присматривала за деревенским храмом и приходила туда не только для уборки или в редкие дни приезда городского священника, на коем было ещё четыре общины в разных сёлах района, но и в каждое воскресенье и в двенадцатые праздники. Семён же, бывший в советские времена совхозным начальником среднего уровня и партийным человеком, пошёл с женой только потому, что ей пришлось бы одной возвращаться по тёмным улицам.

В церковь они пришли ещё до полуночи. Анна зажгла свечи и лампы, встала к молитве; Семён же побродил из угла в угол, разглядывая иконы в непривычном виде полумрака, торопливо прочитал у лика Богородицы Отче наш, единственную молитву, которую знал наизусть, и присел в углу на табурет, предназначенный для сметания паутины с высокого потолка. А паучков в церкви водилось больше, чем заходило людей. В девяностые годы владимирцы под влиянием перемен в жизни страны вспомнили о том, что старое здание клуба, закрывшегося из-за отсутствия средств на содержание, когда-то являлось церковью, и относительно дружно вернули всё на круги своя. Однако сами вернуться к истокам не смогли: даже когда приезжал из города отец Дионисий, на службу приходило не более десятка селян. В другое время сюда заглядывала только Анна Фёдоровна Цымбалюк да обращались к ней же родственники умерших. Выдавая свечи для «проводничков», Анна горестно вздыхала: «Ещё один (одна) ТУДА, не исповедовавшись, не причастившись...»

* * *

«Не обходилось в новых селениях без конфликтов. Так в течение длительного времени судились из-за отцовского наследства жители Владимировки братья Арсений, Яков, Пётр и Харитон Демьяненко. Многочисленные иски и апелляционные жалобы родственников рассматривали волостной суд, уездный суд и уездный суд крестьянских начальников в течение 1906—1907 годов. Согласно источникам, подобные конфликты происходили и в других семьях. Также доходили до обращений в суды споры между соседями: в 1909 г. между Степаном Ковальчуком и Антоном Бондаренко из-за покоса; в 1911 г. — между Матвеем Василенко и Кузьмой Горохом из-за места для пасеки на заимке последнего, которое Василенко

самовольно распахал и засеял пшеницей. Самозахваты земельных участков и судебные разбирательства из-за возникавших конфликтов происходили регулярно. Кроме этого сохранилось несколько документов о конфликте между крестьянами Владимировки и священником о. Павлом по поводу отказа сельского общества ремонтировать церковь и обеспечивать священника дровами. Вот эти документы...»

* * *

Пока Дмитрий Романович составлял в ночной тишине сельскую летопись и вносил в неё сведения, найденные в архивах, пока Семён Цымбалюк дремал в церкви под иконой Серафима Саровского, Анна молилась. Старательно прочитав все знакомые молитвы и — напевно, как во время Литургии — Символ веры, она поблагодарила Бога за то, что живы-здоровы дети и внуки, что даёт ей с мужем долголетие без тяжёлых хворей и спокойную старость, после чего вспомнила все свои прегрешения за те дни, которые прошли от последнего воскресенья. Она каялась в том, что дважды из-за недостаточного смирения вступала в препирательства с мужем по каким-то хозяйственным делам, что, забывшись, съела скоромное в среду, осудила соседку-лентяйку, швырнула грудкой земли в курицу, забравшуюся в огород, пожелав хулиганке околеть или оказаться в супе...

Очистив душу, Анна всхлипнула и стояла некоторое время молча. Слышно было, как по улице прошли какие-то люди, отрывисто разговаривая, как дружно залаяли на одной из окраин села собаки и рядом подхватил тревогу молодым лаем пёс во дворе Сергея Медведева...

«Господи, всемилостивейший Боже наш, смилуйся над нами грешными, — зашептала старушка почти в голос, чтобы перекрыть сопения задремавшего мужа. — Избави от бед и несчастий, от искушений бесовских, от неверия глупого раба твоего Семёна. А ещё Александра, Татьяну, Дионисия, Светлану, Максима, Валентину, Анатолия, другого Максима, Анну, Андрея, Николая, Наталью, Виктора, Алексея, Александра-отрока, Никиту, другую Наталью, Ивана, Валерия, Ксению, Ирину, Константина, Татьяну, Димитрия и Димитрия, Вадима, Михаила, Настасью, Надежду... Господи, не оставь Своею милостью соседей моих, всех односельчан моих. Вразуми, Господи, людей владимирских, дабы возвратились они к добру и вере, дабы наполнилась сия церковь людьми и молитвами и были у них во здравии и благополучии дети, внуки, правнуки и все сродники... Также молю Тя, Господи, о земле нашей русской, кою пастыри именуют Богохранимой. Избави Своей милостью нас и всех православных от войн, пожаров, моров и прочих бед и напастей...»

Анна всё шептала, сосредоточенная, боясь забыть что-то важное, а её супруг уже не только пробудился от лёгкой дрёмы, но, подслушав заботы жены, сам углубился в размышления, хотя и далёкие от прошений у Бога. Сначала он подумал о том, как насмехались над религией в ещё недавние, сравнительно со всей его жизнью, советские времена, как искренне были все убеждены, что вера — это что-то отсталое, дремучее, пережиток времён, когда люди были глупыми, тёмными, безграмотными. А теперь вот пишут, что и некоторые космонавты, и даже члены Политбюро верили в Бога, посещали церкви, причащались. Храмы восстановили не только в городах, но и деревенские, хотя в восьмидесятые никто б и не вспомнил, где они раньше находились. Вдруг оказалось, что вера не исчезла, а как будто замерла, задремала в ожидании, когда люди перебесятся и избавятся от непомерного самомнения. Пока маячил впереди идеальный коммунизм, о Боге не вспоминали, но как только опустели магазины, взлетели цены и перестали платить зарплату, а в больницах закончились лекарства и новая власть устроила народу голод и лишения, равные тем, какие были во время войны с фашизмом, люди обратились к Богу. Не все, конечно. А только те, кому не досталось куска при растаскивании советского пирога.

Семён вспомнил, как хорошо жил совхоз в последние брежневские годы. Приезжали автолавки с дефицитными товарами, и им, руководителям, перепало больше других; зарплаты стали такими, что накопили и слетали один раз всей семьёй к Чёрному морю; появилась очередь на автомобили. Правда, до него с Анной не дошла, но имелся служебный УАЗик. Вдвое расширили ферму, построили новую контору, два десятка жилых домов, почту... И вдруг всё разрушили и разворовали. Ничего не осталось. Теперь и в жилье нет необходимости: в деревне восемнадцать брошенных домов, хозяева которых или уехали в города, или померли, а наследники не могут продать — некому... Зачем так сделали? Зачем уничтожили то, что худо-бедно функционировало?.. Конечно, двести пятьдесят человек, которые работали в совхозе, — это многовато. Сейчас вся земля распахивается, а занимаются ею десятка три человек, которые здесь и не живут. Работают наездами. Зато прежде никто из деревенских не уезжал на заработки за тридевять земель, не бросал семью...

Анна вон шепчет беспрерывно «слава Богу» да «слава Богу». Пока жили сносно, Богу спасибо не говорили, а как прижало, сразу стали просить милости. А заодно здоровья, денег, квартир...

— ...Что, вымолила у Христа, чтоб прибавил нам пенсию?.. От властей-то не дождёшься... — сказал Семён с усмешкой жене, которая закончила молитвы и тихо подошла к нему, сомневаясь: спит — не спит.

— Пенсии люди придумали, — ответила та. — Сами понапридумывали чего-то, а потом до Бога: разбирай.

— Мог бы и пожалеть нас, стариков...

— Не богохульствуй. Особоливо в храме. Он нас жалеет. А по молитве — просительной — даёт. Но как жить да зарплаты, пенсии — то придумали люди. Так не надо Его попрекать в наших придумках. Сами ушли от Него, а теперь требуем вмешиваться. Сначала надо возвратиться... Сегодня такой большой праздник, а кто вспомнил?.. Вот нелепость: винить Бога в своих несчастьях, а подчиняться сатане. Прости, Господи... Кому служишь, от того и получаешь...

— Ладно, потопали домой. Просто ещё недавно, когда кончались пенсии, мы с тобой жили без денег три-четыре дня, а в этом году уже по неделе на подножном корме, пока следующие подойдут...

— Сын предлагал помощь...

— Пусть сначала за ипотеку расплатится. Сами, небось, на нашей картошке живут...

Цымбалюки потушили всё, что горело, старательно заперли церковь и потихоньку двинулись к себе. Ночь стояла непроглядно тёмной, но и умиротворённо тихой. Подходя к своему дому, супруги слышали, как у соседки Зинки шумит очередная попойка, хотя час был уже не поздний, а ранний, а потом едва не наткнулись в темени на двух пьяниц, которых не сразу узнали. Семён и Анна уже подходили к калитке, когда неожиданно на село хлынул ливень. Они успели взойти на крыльцо, а вот Зинкины гости, которые начали расходиться следом за парочкой хитрецов, промокли насквозь. Не повезло и самим хитрецам: сил у них хватило добраться только до лавочки. Той самой, с которой началось сватовство. Там они и уснули. Мокрых, но живых обнаружила утром Колина жена, выгонявшая корову в стадо.

* * *

Соцработница Надя Сивер тоже рано вышла из своего двора. Управляться по хозяйству ей надобности не было: корову сдала сразу, как умер муж, свиней держать тоже перестала. Однако в этот день у неё планировались такие важные дела, что приступить к ним требовалось ещё до начала рабочего времени. Во дворе и снаружи, у калитки, — всюду стояла большая

вода, следствие ночного ливня. Канавы шумели потоками, собирая отовсюду тысячи маленьких ручейков.

— Что, потоп? — сказала Надя собаке, которая забралась на будку. — Надеюсь, тётя Аня там не утонула...

Она вывела велосипед на дорогу и поехала по направлению к центру села. Через десяток домов остановилась у двора с плотным, выкрашенным тёмно-зелёной краской забором. Съезд от улицы к воротам был засыпан щебнем и стоял сухим, и Надя доехала до самой калитки. Когда-то справа от неё, на уровне лица, находился электрический звонок, но кто-то разбил его, и женщине пришлось обращаться к собаке.

Говорят, домашним животным часто передаётся характер их хозяев. Действительно, старый пёс Цымбалюков походил на людей, которых охранял. И не только возрастом, но и добрым нравом. Поэтому на Надину просьбу позвать кого-нибудь при помощи лая он ответил только миролюбивым движением хвоста.

— Тыфу на тебя! Собакой называется! — раздражённо упрекнула Надя и стала кричать.

Вместо «тётя Ани» вышел Семён Петрович и строго шикнул на хвостатого сторожа, который решился-таки подать голос.

Поздоровались. Надя извинилась за ранний визит.

— А мы ещё и не ложились: в церковь ходили. День начался — и спать не хочется. То то надо, то это... — старик распахнул калитку, впустил гостью во двор.

— Я вот по какому делу. Нашему селу исполняется сто двадцать пять лет, и мы решили торжественно отметить юбилей.

— Сто двадцать пять?... Это серьёзно. Давно никаких праздников не проводилось...

— Вот именно. Совхоз исчез, вслед за ним и всё остальное, кроме магазина. Да школы. Народ разъезжается или вымирает. А ведь в прежние годы и день сельхозработника отмечали, и Масленицу. Теперь люди совсем скисли, будто конец света. Вот мы и хотим встряхнуть деревню, чтоб вспомнили, что у нас есть, чем гордиться. Чтоб порядок навели под дворами. Чтоб в кои веки собрались все вместе. Тем более в школе есть большой актовый зал.

— Дело хорошее, полезное. А к нам-то зачем пришла? У меня под двором и во дворе образцовый порядок, хоть сегодня юбилей отмечай...

— У вас — да. У вас всегда порядок. Но я не за этим. Мы, так сказать, активная группа людей, хотим сделать фильм о селе. Показать прошлое через фотографии. Показать что-то хорошее, что есть сейчас. А главное — взять интервью у людей, которые помнят деревню, какой она была сорок-пятьдесят лет назад. Всё это покажем на юбилее. Молодым, особенно детям, это будет очень интересно.

— Возможно. Раньше у нас жизнь бурлила... Так ты хочешь, чтоб я что-то рассказал?

— Вы и тётя Аня. Вы в совхозе и бригадиром работали, и на других должностях. Ваша жена — знаменитая доярка. Награждена орденом.

— Не знаю, захочет ли она... Это ж вспоминать надо...

— Ничего трудного. Я задам вопросы, а вы на них коротко ответите. На пять минут ведь поговорите?... Больше и не надо.

...Через четверть часа Надя и чета Цымбалюков, переодевшаяся в праздничное, сидели в гостиной комнате стариков и готовились к интервью. Все были сосредоточены, напряжены, говорили тихо, будто в телестудии. Наконец, Надя правильно установила видеокамеру и приступила к делу.

— Анна Фёдоровна, каким было наше село во времена вашей молодости, начала трудовой деятельности?

— Каким?... — старушка встрепенулась, как будто задела что-то. — Красивым было. Асфальта тогда ещё не положили, а всё равно красивым. У всех цветники под дворами. Клуб

всем народом белили-красили. Всё добровольно, никого не заставляли. Для себя... Работали дружно... с песнями...

— Вы много лет проработали в совхозе дояркой, имеете награды. Тяжело было работать? Доили вручную?

— Сначала вручную, потом поставили аппараты... А тяжело ли?.. Конечно. У каждой доярки группа коров по тридцать-тридцать пять голов. Три раза надо выдоить... Молоко сами возили сдавать. Сами корма запаривали. Помогали скотнику возить и раздавать силос... Механизации поначалу никакой не было. Но никто не жаловался... На дойку едем — песни спиваем. Везде пели... Радовались жизни. А сейчас?... Село будто мёртвое. Людей видишь, только когда похороны... Дети наши в городах, так видимся с ними да с внуками раз в полгода. Нам съездить — пенсии мало, на уголь всё лето откладываем. У них тоже заработки маленькие, а расходы — городские, не то, что у нас... И лекарства страшно дорогие. Только помогают не всегда, потому как износили мы себя работой. Не жалели. Вот теперь и терпишь... Иной раз ночь не спишь, так всё ломит...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.